

Денис Коваленко

Иов
Каминский
(Взятие крепости Рахово)

Денис Леонидович Коваленко Иов Каминский. Взятие крепости Рахово

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70271446
SelfPub; 2024*

Аннотация

Рассказ этот, основанный на воспоминаниях русских офицеров, участников тех далеких и славных событий, больше не о самом отце Иове и его несомненном героизме, а о той удивительной эпохе, когда православный и русский для простого солдата – были синонимами. Когда молебен перед боем был не обязанностью, а потребность. Когда полковой священник воспринимался солдатами, как единственная ниточка, связывающая их, грешных, с Богом. Впрочем, и сам поступок, или вернее сказать подвиг, отца Иова Каминского, был воспринят, как нечто невообразимое. Никто из полковых священников до того дня не рисковал так своей жизнью. Отслужив молебны, священники оставались в тылу. Так что то, что совершил отец Иов, стало событием. И впоследствии многие полковые священники воодушевленные этим подвигом, с крестом в руке шли в бой плечом к плечу вместе со своими солдатами.

Содержание

Денис Коваленко

Иов Каминский. Взятие крепости Рахово

Глава 1

Штурм

Безмятежен и спокоен Дунай. Лишь легкая рябь у поросшего лесом пологого берега. В эту ночь, 28 мая 1829 года от рождения Христова, тысячи русских солдат, в праздничных мундирах выстроились, скрытые от неприятельских пушек в редких дубравах левого берега. За деревьями багровое небо; всё ниже давит его к земле тяжелая ночная тьма. С полверсты¹ до западного берега. На том берегу освещённый багрянцем черно-зелёный силуэт турецкой крепости Рахово; его видят те, кто стоит в первых рядах, слушая литургию, может быть последнюю в своей жизни.

На рассвете восемьдесят лодок и десять паромов с двумястами охотниками², и батальоном 34-го егерского полка³, пе-

---

¹ Верста – 1007 м

² Добровольцы

³ Охотников вел флигель-адъютант полковник граф Толстой, егерей полковник Гавриленков. На лодках спустились они до самого устья реки Жио; прочие войска барона Гейсмара в то же время выступили к Дунаю, и с рассветом 28-го числа были уже на месте в готовности к переправе.

реправятся через Дунай, войдут в устье реки Жио; и нападут на крепость. Когда авангард высадится на болгарском берегу, лодки и паромы вернутся, и так до тех пор, пока все три полка (Томский, Тобольский и Московский) не переправятся к стенам крепости⁴.

Возле алтаря, собранного из земли и дёрна, полковой священник Тобольского полка, отец Иов, в тишине, при свете свечей, молился. Молился негромко и неспешно. Казалось сам лес замер, до того было тихо. Каждый солдат, что стоял сейчас в строю, боялся и подумать о мирском; мысли погружены в молитву. Если у кого и появлялся забытый образ: дом, мать, жена... гнал его крестным знаменем – не та минута. Кто знает? – будет ли он убит, или покалечен, или минует его турецкая пуля... Сейчас *все* тобольцы готовились к славной смерти. И каждый в мыслях своих молил Господа – если случится быть убитым – принять его грешную душу и посадить ее одесную Себя. Таков был тогда, в те славные времена, русский солдат. Бывший крестьянин, забранный из семьи, за долгие годы службы царю и Отечеству, он забыл, как выглядит его мать, отец... жена, дети, – что с ними ста-

---

⁴ Для обеспечения успеха к батальону 34-го егерского полка, с двумя орудиями легкой № 3-го роты, занимавшему уже близ устья реки Жио селение Орошаны, присоединены были Томской пехотный полк и по батальону Кольванского и Тобольского полков, 8 орудий батарейной 1-го роты, конноартиллерийская рота № 20-го, Московский драгунский полк, 1-й конно-пионерный эскадрон и сотня казачьего подполковника Попова полка. Для совершения самой переправы спущено было из Крайова к устью Жио 80 лодок и 10 паромов.

ло?... Его семья, это полк. И всё как в песне, что пели часто и сами тобольцы и все, кто по рекрутскому набору стал навечно русским солдатом: наш родимый – Царь непобедимый; наши отцы – храбры полководцы; наши матки – белые палатки, а наши жены – ружья заряжены.

...Кончен молебен, солдаты, один за другим, подходят к отцу Иову. С трепетным волнением, многие со слезами, причащаются Святых Христовых Таин. Деньги – все что есть, до копейки, кладут в церковную кружку – не должны лукавые деньги отяжелять в бою тело. А кто ждет причастия, поет. И как шелест листвы успокаивает душу, так и это солдатское многоголосье успокаивало слух и вселяло силу: «Тело Христово приимите, Источника Безсмертнаго вкусите».

Последним причастился сам отец Иов, причастился уже на утренней заре. Бодрые телом и крепкие духом вышли тобольцы на берег.

– С востока сия звезда воссияет! – вознеся руки с крестом к небу, произнес отец Иов.

Там, на болгарском берегу, наши две сотни охотников и батальон егерей уже вступили в бой. Это слышно по выстрелам и видно по клубам пушечного дыма. Взяты ли стены, в городе ли охотники? Не понять. Но раз идет бой, значит, живы они. Вплавь бы бросились тобольцы на помощь своим братьям-солдатам, прикажи им их полковник.

Дым окутал воды Дуная. Пушки били с обоих берегов.

Сквозь дым самые зоркие углядели лодки, что возвраща-

лись на берег Малой Валахии⁵.

– Лодки! – пронеслось по рядам.

Отец Иов, точно в лице изменился. Не должен он плыть к крепости. Все полковые священники, отслужив молебен, вернулись в лагерь. Но как ему, только что благословившего своих солдат на победу, оставить их без слова Христова? Решение, быть со своими братьями до конца, вселилось в душу отца Иова и крепло с каждой минутой, когда лодки становились всё ближе и больше. Пушечный дым скрывал их, и турки, отчаявшись потопить эту малую флотилию, перенесли свой огонь на русский лагерь; впрочем, не зная, где он, палили всё в лес, валя и круша вековые буки и дубы.

Лодки пристали к берегу, тобольцы по приказу своих ротных занимали места, отец Иов в волнении, даже не подобрав рясу, вошел в воду.

– Братья, – непреклонно произнес он, – я с вами, – сказав, отец Иов довольно ловко перешагнул через борт и сел на скамью. Не противились солдаты, обрадовались – не было еще на их памяти, чтобы с ними плечом к плечу в бой шел священник.

– Герой наш батюшка.

– Возьмем крепость.

– Как пить дать, возьмем.

Так меж собой говорили солдаты. И так гребцы налегли на весла, как никогда не налегали – не поплыла, а понеслась

---

⁵ Южная Румыния

флотилия сквозь пушечный дым к вражескому берегу; сам же отец Иов непрестанно читая молитву, сидел на носу первой лодки.

Что заставило его, монаха, взойти в лодку и устремится туда, где смертоносные пули и ядра, не разбирая сана и сословий, убивали и калечили живых людей? – он и сам наверно не знал. Какая-то незримая ему Сила заставила его сделать это. Не чувствовал он страха. Не тронули его душу сомнения. Не может он поступить по-другому. Первым он должен взойти на стену – с крестом в руке и на виду солдат, и тем внушить им мужество. Там, на том берегу под турецким игом его братья во Христе. Много слышал он рассказов о турецких зверствах: как болгарских младенцев накалывали янычары на штыки, как женщинам и старикам отрезали ножами головы, как глумились над православными людьми эти нехристи. Остановить насилие, положить конец этому бесчинству – вот о чем думал он, всё ближе приближаясь к крепостным насыпям. Слышал он от командующего полком, генерал-адъютанта барона Гейсмара, что взятие Рахова важнейшая операция. Главные турецкие силы находились вниз по течению Дуная, множество кораблей и барж снабжали янычар зерном и мясом, оружием и боеприпасами. В узком месте Дуная стояла крепость, и кто владел крепостью, тот владел и всем водным путем⁶.

---

⁶ Идею эту подал императору главнокомандующий граф Дибич – «отнять у неприятеля все способы воспользоваться сими заготовлениями». Осуществле-

Захваченный молитвой и мыслями, отец Иов не слышал ни звуков пальбы, ни криков боя, он очнулся, когда лодка ткнулась носом в берег, и отец Иов чуть не свалился в воду, спасло, что ухватился руками за борт.

– Всё хорошо, батюшка? – солдаты, что были рядом, подхватили священника.

– С Богом братья! – отец Иов, сделал жест, что сам способен, что не немощный он; спрыгнул в воду, и вместе с первыми солдатами, что несли штурмовые лестницы, бросился на крепостной вал, со стен которого турки посылали по взбирающимся тобольцам залп за залпом.

Вниз скатывались изувеченные саблями и пулями солдатские тела.

– Побрал же черт извергов турок! – воскликнул один из солдат, на кого свалился его обезглавленный товарищ.

– Брат! – воскликнул отец Иов, – не поминай дьявола, а поминай Господа Бога!

– Прости... батюшка, – одышливо отвечал солдат и прибавил хода – взобраться на вал, скорее до стены, а там колоть штыком ненавистных турок.

– Не робей братцы! – кричал командир тобольцев, полковник Леман. – Не робей! – и сам, вкарабкавшись на насыпь,

---

ние этой идеи граф возложил на барона Гейсмера, который и разработал план переправы и захвата Рахова – крепости полностью контролирующей эту «ахиллесову пятю» Дуная, «между Виддином (портовый город на южном берегу Дуная в северо-западной Болгарии) и низовыми турецкими крепостями, для прекращения между ними всякого сообщения».

влез по лестнице на стену и колот и рубил бросавшихся на него янычар, кричавших в отчаяние: «гяур, кюпек, москов гяур!⁷».

Тобольцы скоро и решительно взобрались на крутую насыпь, подставили лестницы, перелезли через стену и ворвались в укрепление, не сделав и выстрела⁸, и перебили в нем весь гарнизон, что защищал этот вал.

В ярости боя, даже те, кто полз рядом с отцом Иовом, что мужественно, вместе со всеми взбирался на насыпь, не сразу поняли, когда их батюшка, покачнувшись, рухнул на бок и замер с пробитым ртом и выпученными в ужасе глазами. Пуля раздробила ему обе челюсти и разорвала язык.

Яркий свет ослепил глаза священника – до того яркий, что зажмурились, до боли сжались веки, так ослепительна

---

⁷ «Гяур» – презрительное название всех, кто не исповедует мусульманскую веру. «Кюпек» – собака.

⁸ Кремневые ружья, которыми была вооружена наша пехота, не имели ни одного качества, необходимого для верной стрельбы: они отдавали так сильно, что люди боялись прикладывать к ним щеку, без чего нельзя было палить; патрон, болтаясь в дуле, также мешал верному полету пули, а частые осечки, зависевшие от кремня или от плохого состояния боевой пружины, редко позволяли надеяться на то, что ружье действительно выстрелит. Менее всего обращали тогда внимание на стрельбу, обучая солдат одним темпам да маршировке в три приема, будто в этом заключалась вся загадка непобедимости. Кроме того, существовал между ними предрассудок, что не следует метить в противника, для того чтобы самому не быть убитым, что пуля найдет виноватого, по воле Божией. Поэтому люди стреляли весьма дурно, мало надеялись на ружье как на способ бить неприятеля издали, предпочитая действовать штыком. – Ф. Ф. Торнау. Воспоминания русского офицера.

была эта вспышка. Шага не хватило ему до крепостной стены. Правая рука сжимала крест, левая же царапала болгарскую землю. «Неужели всё – конец», – судорожно прыгали в голове мысли. – «Нет, не попустит Господь такой бесславной смерти – не лягут мои кости в этой земле. Не могу умереть – без исповеди и покаяния», – пульсировало в такт с липкой, солоноватой, наполнявшей изувеченный рот кровью.

– Батюшка, отец родной! – его подняли сразу несколько солдат. – Беда-то! – совсем по-бабьи причитали взрослые видавшие виды мужчины. Это ж не их брата солдата так изуродовали, а их священника! было от чего запричитать! – Мы сейчас тебя до лодки. А там и берег, а там доктор. Он тебя залечит, он у нас такой, что... ты сам знаешь... из мертвых воскрешал. А у тебя-то так, ерунда.

Отец Иов улыбнулся глазами. Было больно. Но страшно не было. Рядом его братцы-солдаты, значит всё хорошо.

Бой ушел далеко вперед в город. Там уже на узеньких улицах Рахово русские и турки стреляли и резали друг друга. Здесь же на крепостном валу стало тихо, и даже как-то безмятежно. Отца Иова солдаты бережно спустили к воде; положили в лодку.

Обратно он плыл в каком-то безмятежном беспамятстве. Облака виделись ему ангельскими крыльями, что бережным куполом обнимали лодку, пушечный дым, точно дым от кадила, наполнил реку привычным и приятным душе запахом ладана. И не гром пушек, а херувимское пение звучало над

Дунаем. Ничего не говорило раненому священнику о недавнем бое. Он плыл и плыл – казалось ему вечность – невесомый телом и мыслями, и спокоен душою.

Солдаты, разорвав рубашки, перевязали ему лицо, под голову подложили всё те же свернутые свои рубахи и работали веслами скоро, но так бережно, чтобы не потревожить лодку и лежавшего в ней отца Иова.

Глава 2

Крепость

Очнулся отец Иов на вечерней заре на незнакомой, до блаженства мягкой постели. Тело будто утонуло в нежности. Боли не было, напротив – всё тело, до последней клеточки испытывало какую-то неземную легкость, и мысли, казались, как никогда ясными, и приятное успокаивающее умиротворение. Над головой причудливой вязью белыми пушистыми кисточками цвел виноград. Заходящее солнце нежно играло красным на темно-зеленых листьях, и белые, собранные в букетики-ёлочки цветки, точно переливались в лучах заката – становясь то красными, то белыми, то сине-фиолетовыми. И шум падающей воды – совсем рядом. И пение незнакомых птиц.

Я умер? Я в раю? – невольно отец Иов чуть приподнялся, желая увидеть этот водопад, этих птиц, и Бог что еще зна-

ет, желал он увидеть... может самого Спасителя или апостолов...

– Что, голубчик, – знакомый побряхтывающий голос; пожилой доктор, что был при полку, сидел возле, в причудливом кресле из красного дерева, – очнулся? Ничего не говори, – остановил он отца Иова; лицо батюшки выражало такое изумление, что неудивительно было услышать из его перевязанного рта: «где я»? – не в силах выдать и звука, вопрос светился в воспалённых глазах его. – Рану тебе я обработал, зашил; косточки, что мог, собрал, а что не смог – нарастут; и язык заштопал, так что ты его пока попридержи, – доктор дробно засмеялся своей невольной шутке, – Бог милостив – заживет всё. Весь полк сейчас за тебя молится. Турок сдался, еще третьего дня на полудне, крепость мы взяли. Так что, всё хорошо. Ты, отец, главное, отдыхай. Поправляйся.

Доктор говорил так просто, точно вошел в походную палатку отца Иова, когда тот проспал сражение, и рассказал ему, как всё без него прошло. Но видя всё более изумленное батюшкино лицо, наконец, сообразил.

– Ты, батюшка, во дворце коменданта Рахова. Сам паша⁹ сдался в плен, и сейчас в лагере, под охраной, вместе со своими соплеменниками, а свой дворец он гостеприимно отдал под твои покои, как и своих лучших врачей. Как себя чувствуешь? Знаю-знаю! – всплеснув руками, тут же отвечал

---

⁹ Паша – сокращ. персидск. «падишах» – верховный правитель, равен званию генерала.

доктор, – тебе сейчас так хорошо, что не в сказке сказать, не пером описать. Вторые сутки спишь аки младенец. Ох, и мастера их лекари, скажу тебе, до всяких эфиров. Я когда тебя зашивал, ты спал так крепко – любо дорого смотреть. Там, на валахском берегу, когда тебя ко мне принесли, я и не знал, как подступиться. Понятно, что и рану обмыл, и обеззаразил, и перевязал, а как решил тебя зашивать, ты так, милый мой, заплакал от боли, как дитя, что у меня рука дрогнула. Конечно, сшил, что можно, косточки, какие можно собрал. А вот язык побоялся сшивать. Ты бы мне все пальцы мои подкусал. А тут тебя эфиром надышали, и такие всё иголки и ниточки тонкие дали, что сшивал я твой говорящий орган с большущим удовольствием.

Отец Иов, не совсем осознавая, где он, что с ним, попытался сесть. Не получилось – сил не было.

– Ты, батюшка, лежи, – доктор и руку вытянул, останавливая отца Иова, и сам чуть приподнялся. Когда отец Иов уронил голову на подушку, доктор, обмяк в уютном кресле, продолжил. – Я тебе и так всё расскажу. Сейчас где-нибудь через часик тебе еще эфирчику дам, поспишь, сил наберешься, а потом и погуляем с тобой по Рахову. – Так вот, – продолжил доктор, – когда ты лежал в палатке без памяти, наши орлы крепость-то и взяли. Бой был скорый, но лютый. Каждый дом наши солдатики штурмом брали. По началу турок не хотел сдаваться. Закрывался в домах и сгорал вместе со своими женами и детишками – наши дом поджигают, что-

бы турка выкурить, а те не выходят – удивительный народ. И такие они отчаянные: если их пацаненок или баба может в руках ружье держать, то палит по нашим. Говорили, даже малые мальчишки палили и с ножами бросались. И кто там мирный, а кто нет – и не разобрать. Все как один – головорезы. Сколько там наших голов после боя нашли – страшно сказать. Улочки узенькие; наши по улочке бегут, догоняют турков, и вот отстал наш, какой-нибудь солдатик от своих, замешкался – его за шкурку хватать, во двор затащили, и всё – покати́лась буйная головушка, – доктор говорил всё это с привычной его профессии простотой, точно рассказывал о чем-то таком будничном и обыкновенном. – Но всё это позади. Штаб наш, с самим Гейсмаром, теперь здесь, в крепости. Город под охраной. И за городом, на высоте батарею артиллерийскую поставили, и сотню казаков, и отряд тобольцев, и егерей к ней. Так что сейчас здесь всё тихо. Пленные все их за городом, под охраной. Говорят, полторы тысячи одних баб и детей. Сам Граббе¹⁰, поручил не обижать их, кормить и охранять. А твои тобольцы – орлы. Турков, во главе с пашой, окружили в башне и принудили к сдаче. Перед ними турки белый флаг выставили, и им оружие сложили. Конечно все наши солдатики герои, но говорят, тобольцы особенно отличились, – доктор явно хотел утешить этим раненого священника. Глаза отца Иова наполнились слезами – ему приятно было слышать всё это.

---

¹⁰ Начальник штаба и командир авангарда при штурме Рахово.

– Когда битва закончилась, когда Граббе город очистил от турков, тогда наши солдатики начали мост через Дунай возводить. Сотню лодок поставили, а на них настил из досок. До сих пор еще строят. Но от сюда не слышно. Как построят, тогда вся наша армия к Рахову переберется, – доктор явно был доволен своим рассказом, точно сам видел всё и во всем участвовал. – Да, – вспомнил, – две канонерские лодки¹¹ у турков захватили, теперь они охраняют постройку моста. Так что оборона у нас – очень славная: две канонерки, – доктор загибал пальцы, – крепостная артиллерия, на валахском берегу пушки, везде казачьи разъезды, драгуны в седле – всё как надо, мышь не проскочит. Так что офицеры наши по домам разбрелись, в карты играют и шампанское пьют. Красота! – доктор по-простому надеялся, что такие хорошие вести облегчат страдание отца Иова. – И все разговоры, в каждом доме, только о тебе. Каждый солдат твоё имя вслух произносит и удивляется твоему мужеству. Ну, всё, – доктор поднялся, похлопал по плечу отца Иова, – пойду я. Там еще хватает, кому помощь моя нужна. Отдыхай. Зайду еще.

Отец Иов, как только остался один, вновь попробовал сесть, получилось с трудом. Посидев с минуту, послушав шум фонтана и пение птиц, он опустился на постель и закрыл глаза. «Победили с Божьей помощью, – пронеслась

---

¹¹ Класс небольших боевых кораблей с артиллерийским вооружением, предназначенных для боевых действий на реках, озёрах и в прибрежных морских районах.

мысль, – и, слава Богу».

Туркам дорого стоила их отчаянная защита: около семисот их трупов были отысканы, брошены в овраг и засыпаны негашёною известью^{12*}.

***

Наутро благодаря волшебным восточным травам и мазям, боль не трогала тело отца Иова. А сон дал силы. Весь день он провел в компании доктора, слушая его бесконечные истории и наслаждаясь пением птиц и умиротворяющими плесками падающей в фонтане воды. Жара стояла нестерпимая, потому и священник и доктор не покидали прохладной тени дворца. Лишь когда стемнело, вместе с доктором отец Иов вышел из своего сказочного жилища, и неторопливо шагая по узеньким городским улочкам, ведомый доктором, дошел до крепостного вала, где турецкая пуля так безобразно ра-

---

¹² Потеря турок в Раховском деле была весьма значительная; только конница их, около 500 человек, успела спастись бегством. Все прочие турецкие войска, в бою здесь бывшие, исключая взятых в плен, пали жертвою отчаянной обороны. В числе убитых находился Раховский Аян-Селим-Эфенди. Победителям досталось 5 орудий, 6 знамен и 465 пленных, в числе последних двухбунчужный Вранский Гуссейн-Али-Паша и многие другие чиновники турецкие. С нашей стороны убито: 3 обер-офицера, 47 нижних чинов; ранены: полковники Граббе и флигель-адъютант граф Толстой, генерального штаба штабс-капитан барон Корф, адъютант барона Гейсмара, лейб-гвардии уланского полка поручик Энгельгардт, 7 других обер-офицеров и нижних чинов 175 человек. За отличные распоряжения и мужество, оказанные при взятии Рахова, награждены: барон Гейсмар орденом Св. Владимира 2-й степени, граф Толстой тем же орденом 3-й степени, а полковник Граббе чином генерал-майора, – Лукьянович Н.А. Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов.

нила его.

Внизу, как по щучьему велению, от берега до берега протянулся мост, возведенный солдатами за три дня и три ночи – умел и скор на руку был русский солдат. По мосту, как ни в чем не бывало, точно и не было никакого боя, ходили люди – конные и пешие, катились запряженные телеги – мост был достаточно широк, чтобы две телеги проехали, не задев друг друга. Всё выглядело мирно и покойно...

– Турки! Там турки! Целый флот! – весть пронеслась по валу и улетела в город, взбудоражив всех – до последнего солдата.

Отец Иов, как и доктор, как и все, стал вглядываться вдаль, куда указывали десятки рук – там, вдали, верстах в трех выше по течению, в свете луны белели десятки парусов.

– Полсотни кораблей – не меньше! – в тревоге говорил пожилой солдат, что стоял рядом со священником и доктором. – Вам бы, ваше благородие, – глянул он на отца Иова, – в город бы. А то не дай Бог. Мы вас второй раз оплакивать не хотим.

Но отец Иов качнул головой – что ясно говорило, он не покинет вала.

Гейсмар, что оповещенный уже вбежал на вал, и, удостоверившись, что это не шутка, что вражеский флот приближается к крепости, отдал приказ казачьим сотням разойтись по округе и сообщить, если враг нападет с суши. Всем батареям приказано было приготовиться к обороне.

Пройдя с полпути, неприятельская флотилия, не спуская парусов, приостановила движение в каких-нибудь семистах саженьях¹³ от крепости; вскоре и вовсе встала.

Минута длилась длиннее часа. Луна то освещала Дунай и вражеские паруса, то скрывала, прячась за облака. Не выдержав, Гейсмар отдал приказ одной из канонерок выйти навстречу и определить обстановку; но держаться на расстоянии выстрелов наших пушек, чтобы не оказаться один на один с неизвестным числом и силой врагом.

Немедленно канонерка бесстрашно отправилась навстречу турецкой флотилии. Отбить вражеский флот – дело для солдата привычное, но турок разрушит мост – вот чего нельзя допустить.

– Только крепость взяли, только в себя пришли и вот те на те, – негромко говорил доктор, от волнения он захватил нижними зубами верхнюю губу, и до крови кусал ее. Канонерка, то исчезала, то вновь освещалась луной. До врага ей оставалось один ружейный выстрел. И он прогремел – единым залпом. И батарея, что стояла на валахском берегу, яркой вспышкой дала залп...

И в небо с оглушающим криком взмыли паруса, освещенные показавшейся луной.

– Что за чертовщина?! – доктор аж глаза протер. И не он один. Что за чудо-оружие у наших артиллеристов, что корабли с парусами в небо подняло?

---

¹³ 1 сажень – 2,13 м

Вскоре появился вестовой с канонерской лодки. Отдав честь Гейсмару, он, замявшись, но стоя во фрунт, доложил:

– Бабы-птицы... ваше превосходительство! В чистом виде, как есть, бабы-птицы! Во всю ширь Дуная – от берега до берега! Тьма тьмушая, как есть!

– Пеликаны? – не поверил Гейсмар.

– В чистом виде! Как есть! – еще больше вытянувшись, рапортовал вестовой.

– Нас атаковали пеликаны? – то ли шутя, то ли всерьез произнес всё еще не пришедший в себя от удивления доктор. И было чему удивиться. Впрочем, ожидая турок каждую минуту, принять стадо пеликанов за паруса, да еще ночью – дело неудивительное. От нервного напряжения и не такое могло показаться.

– Бабья тревога, – говорили меж собой солдаты, когда было приказано расходиться по квартирам и ложиться спать.

– Пойдем и мы, батюшка, – доктор принял под руку отца Иова. – Вот какие чудеса случаются на этом свете. И, слава Богу, что пеликаны, а не турок. Слава Богу, – доктор всё говорил и крестился, говорил и крестился. Сильно его взволновал этот случай – взволновал и озадачил. – Бывает же такое. Слава Богу. А как наш солдатик-то точен на образы – они и, правда, эти пеликаны на баб чем-то похожи. Слава Богу.

Следующие утра и дни проходили для отца Иова как один. Нестерпимая жара на улице, прохлада и пение птиц во двор-

це, водянистая каша на завтрак, обед и ужин, лекарства, перевязки, молитвы по часам, и болтовня словоохотливого доктора. К ночи отец Иов с неизменным своим теперь спутником выходил на прогулку. Гулял по узеньким улочкам, выходил на вал, к Дунаю, даже спускался к мосту. Солдаты, что, казалось, без сна и отдыха что-то делали или стояли в карауле, при виде легендарного батюшки кланялись ему в пояс, и меж собой так обрастили его подвиг маленькими подробностями, что подвиг отца Иова вырос в солдатских рассказах до невероятных размеров. Тем более что некоторые рассказчики божились, что всё сказанное видели лично! Видели, что на вал отца Иова вели под руку сами ангелы, а враг человеческий направил тяжелую пулю прямо в священнический лоб, но ангелы отвели пулю, и она ударила в рот. А потому в рот, что до этого отец Иов тайно дал обет молчания, и просил об этом Господа, и чтобы не искушал себя отец Иов, Господь сомкнул его уста навеки – тем показав ему Свою Великую Милость, – вот что сказывали меж собой солдаты, и верили в эти сказки свято. Офицеры так же с уважением кланялись при встрече полковому священнику Тобольского полка. Над солдатскими наивными байками офицеры откровенно посмеивались, но меж собой рассуждали, что то, что совершил отец Иов, достойно как минимум Георгия. Потому как не помнил ни один из них, чтобы когда-нибудь их полковой священник проявил бы подобную храбрость – без оружия, в первых рядах штурмовать крепость. Офицеры Тобольского

полка все эти дни чувствовали себя на голову выше своих товарищей из других полков, и не скрывали своего превосходства, как не скрывает превосходства тот, у кого есть что-то такое ценное, чего нет у других. Словом, отец Иов стал на это время самой известной и уважаемой фигурой не только в самой крепости, но и по всей округе. Даже местные жители, болгары из близлежащих селений, прослышав про чудо-батьку, приходили к нему за благословением как к старцу.

Но не могут солдатские будни на войне быть спокойными. Опасность нападения турок, как туча висела над крепостью, готовая в любую минуту разразиться дождем и молниями. К верхнему Дунаю двигался тридцатитысячный отряд арнаутов¹⁴, возглавляемый Мустафой-паши¹⁵. Помимо самого отряда в округе разбойничали шайки всевозможного вооруженного сброда. Так что для сопровождения отца Иова в Россию потребовался бы вооруженный ружьями и пушками отряд, а такого Граббе, произведенный за взятие Рахова в генерал-майоры, пока не мог позволить – каждый солдат и пушка были на счету.

Появляясь то там, то здесь армия Мустафы-паши не решалась прямо напасть на крепость, но держала защитников в таком напряжении, что теперь каждая ночь стала бессонной.

Ко всем тревогам в одну ночь на Дунае разразилась невиданная

---

¹⁴ На Балканах слово «арнаут» стало синонимом наёмников, в сербском и хорватском языках оно означает «жестокий», «злой».

¹⁵ Мустафа-паша – последний албанский паша.

данная до того буря. Мост был разрушен; из сотни лодок, что составляли основу для моста, половина разбилась. Пока спасали мост, погибли в шторме с десятков солдат.

Трое суток не стихал ветер, поднимая такие волны на реке, что бушующим морем казался спокойный до этого дня Дунай.

Когда же ветер стих, пришла весть, что Мустафа-паша решил-таки напасть на отрезанный от крепости лагерь. Не медля, было приказано строить паромы, переправить войско из крепости и идти навстречу армии албанского пашы.

– Вот тут-то батюшка, – с благословением подойдя к отцу Иову, произнес Граббе, – и повод вам поехать с нами. Давно уже пришел указ о вашем переводе в Россию, сам император ждет вас. Вы, как я знаю, представлены к Святому Георгию. Турок сейчас на левом берегу. Разобьем его, а там дай Бог, и вас с надежной охраной отправим до самого Санкт-Петербурга. Собирайтесь батюшка, скоро выступаем, – Граббе откланялся и вышел раздавать дальнейшие распоряжения.

– Ну что отче, – доктор с явным сожалением подошел к отцу Иову, обнял его, – месяц как ты тут под моим присмотром. Могу сказать, что рана твоя вполне зажила и переезд ты перенесешь терпимо. А там родная Россия-Матушка, покой и нега.

Отец Иов попытался улыбнуться. Говорить он все еще не мог. «Заштопаннный» язык все равно не слушался и мертво лежал во рту. Изувеченная нижняя челюсть так же двигалась

слабо. Своей удачей доктор считал уже то, что ему удалось сшить кожу и закрыть дыры на щёках.

Мустафа-паша так и не рискнул вступить в бой. Дойдя до Калафата¹⁶ и убедившись, что паша отступил, Гейсмар приказал отряду возвращаться в Рахово.

– Всё, батюшка, будем прощаться, – Гейсмар подошел к отцу Иову под благословение, – Доброй дороги вам. И спаси вас Господи.

Попрощавшись с генералом, попрощавшись со своими тобольцами, крепко обнявшись с доктором, который настоял, чтобы и его взяли в поход, отец Иов, не сдерживая слез, взобрался на телегу. Всё; впереди более двух с половиной тысяч верст пути... и родная Отчизна, родная Матушка Русь.

Глава 3

Возвращение

По высочайшему императорскому повелению, отца Иова торжественно наградили орденом Святого Георгия 4-го класса и назначили пожизненный пенсион в 500 рублей в год.

Но не это стало главным утешением для изувеченного героя взятия Рахово. Святому синоду было указано определить доблестного батюшку Тобольского полка вторым священником¹⁷ в Петергофскую Дворцовую Церковь, что и бы-

---

¹⁶ Город в Малой Валахии, современная Румыния.

¹⁷ Во время литургии священники выстраиваются от предстоятеля по чину.

ла исполнено. И указ Святого Синода вышел¹⁸, и отпечатан в таком количестве экземпляров, чтобы по всем приходам разошлась весть о доблести православного священства.

Долгие годы прослужившего царю и Отечеству в полку, делившего вместе с солдатами все тяготы простой походной жизни, оказавшись в царственной роскоши Петергофа, отец Иов даже растерялся. Не привык он к такому. Тем более и службу-то он вести не мог по своему ранению. Но того от него и не требовалось. Зная, *кто* определил полкового священника в главный собор государства, настоятель Дворцовой Церкви ни сколько не беспокоил отца Иова. Он жил спокойной размеренной жизнью, жил скромно, как и привык жить когда-то в своем полку, чем немало заслужил уважение среди своих братьев-церковников. Первое время им очень интересовалась придворная знать, особенно женщины; отца Иова возили по салонам, расспрашивали о его героическом подвиге; но так как он, по ранению, не мог в полной мере удовлетворить любопытство светских дам, его скоро оставили в покое. Что радовало его душу. В свете люстр, роскоши платьев и изысканности накрытых столов, он, еще недавно общавшийся с простыми мужиками и вкушавший простую пищу, краснел и терялся, не зная куда ему и провалиться от смущения, при виде увешенных бриллиантами декольте.

Второй священник – почетная богослужбная награда – священник, который встает по правую руку от предстоятеля; третий священник – по левую руку, четвертый – вторым по правую, пятый – вторым по левую, и т. д.

¹⁸ от 29 июля 1829 г. № 9512

Но наступало воскресение, когда на литургию приходила вся венценосная семья во главе с императором, когда сам митрополит служил литургию, отец Иов вставал от митрополита по правую руку; и душа его возвращалась в то утро, когда он лежал в лодке, а над ним облаками парили ангелы... Каждое воскресение, многие годы он невольно вспоминал это... вспоминал со слезами.

Так и прожил остаток своих лет в Петергофе славный батюшка. И тихо скончался спустя двадцать лет в своей келье, в 1849 году, став вторым из пяти священников, кто был удостоен воинской награды – орденом Святого Георгия.

Послесловие

С того победного дня, когда был захвачен Рахово всё движение турецких барж и кораблей по Дунаю прекратилось. Российские пушки надежно перекрыли реку. Оставшись без провианта турецкие крепости, что стояли ниже Рахова, скоро сдались. Низовой Дунай и побережье Черного моря стали полностью под контролем России.

А спустя три месяца, в сентябре, Турция, или, как она тогда называлась – Порта – попросила у России мира. В городе Адрианополь был подписан мирный договор между Российской и Османской империями, завершивший русско-турецкую войну 1828-1829 гг., и вошедший в историю как Адрианопольский мирный договор (1829).

Война, начавшаяся с греческой революции¹⁹, и закрытием Турцией для России пролива Босфор, закончилась полной победой Российской Империи. Согласно договору Россия вернула Турции все территории в европейской части, что захватила в ходе войны (кроме устья Дуная с островами). Турция же ушла с восточного черноморского побережья от устья реки Кубань до пристани святого Николая.²⁰ И города Анапа и Новороссийск²¹ стали русскими, равно как и города Поты, Ахалцихе и Ахалкалаки²². Христианские Армения и Грузия, наконец, избавились от мусульманского гнета, и вошли в состав России. С этого года русские могли свободно торговать на территории Турции и становились неподсудны турецким властям. Босфор и Дарданеллы открылись российским судам, а Сербия, Молдавия и Валахия стали автономными княжествами.

Ко всему сказанному Турция обязывалась в течение 18 месяцев уплатить России контрибуцию в размере 1,5 миллиона голландских червонцев²³.

Так завершилась, наверное, самая скорая и славная для

---

¹⁹ Греческая революция за независимость (1821—1832) от Османской империи.

²⁰ Сегодня – поселок Шекветили в Грузии, расположенный между Поты и Батуми.

²¹ бывший Суджук-кале

²² Сегодня входят в состав Грузии

²³ Голландский червонец (нидерландский дукат) русской чеканки – золотая монета, которую чеканили в Российской империи с 1735 по 1867 год.

России война за весь XIX век.